

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА И «КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ» В УНИВЕРСИТЕТАХ МИРА (РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ МОНОГРАФИЕЙ Н.А. ЦВЕТКОВОЙ)

А.И. Кубышкин

В статье анализируется содержание монографии Н.А. Цветковой, посвященной проблемам «культурной дипломатии» в университетах мира в период холодной войны. Рассматривается вклад автора в исследование таких сложных проблем, как идеологическая направленность советских и американских проектов в процессе внедрения советских и американских моделей образования, и особенности этого процесса. Затрагиваются причины и формы противодействия национальных университетов попыткам укрепить политическое и идеологическое влияние супердержав в образовательной и академической сферах. Оценивается роль университетов как ресурса защиты национальных интересов и как основного маркера независимой культурной и образовательной политики.

Ключевые слова: холодная война, советско-американское соперничество, «культурная дипломатия», университеты, идеология, «мягкая сила»

The article analyzes the content of the monograph by N.A. Tsvetkova devoted to the problems of cultural diplomacy at the universities of the world during the Cold War. The author's contribution to the study of such complex problems as the ideological orientation of Soviet and American projects in the process of introducing Soviet and American models of education and the features of this process are considered. The causes and forms of counteraction of national universities to attempts to strengthen the political and ideological influence of superpowers in the educational and academic spheres are touched upon. The role of universities is assessed as a resource for protecting national interests, and as the main marker of an independent cultural and educational policy.

Key words: Cold War, Soviet-American competitions, «Cultural diplomacy», universities, ideology, «Soft power»

DOI: 10.32608/1010-5557-2023-2023-287-297

Кубышкин Александр Иванович — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания гуманитарных наук и искусств. ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет».

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/>.

Публикация новой монографии Н.А. Цветковой¹ — заметное событие в изучении проблем идеологического противостояния СССР и США времен холодной войны. В это противоборство были широко вовлечены не только ядерные супердержавы и их союзники, но и страны Восточной Европы, а также государства так называемого «третьего мира».

Отметим также, что исследование Н.А. Цветковой вносит значительный вклад и в развитие сложившегося сравнительно недавно научного направления (дисциплины) «университетология» (University Studies), которое рассматривает различные аспекты формирования и эволюции мировых образовательных систем, а также роль университетов как мощного интеллектуального ресурса в экономическом, политическом и социальном развитии современных государств.

Н.А. Цветкова — заведующая кафедрой американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, известный специалист в области изучения зарубежного высшего образования, «публичной дипломатии» и, в частности, «культурной дипломатии». Она автор ряда интересных работ по этой проблематике, опубликованных в России и за рубежом².

В представленной монографии предпринята, на наш взгляд, успешная попытка проследить стратегию «культурной дипломатии». Как воплощение «мягкой силы» «культурная дипломатия» включает в свою стратегию и элементы соперничества, и элементы сотрудничества ее основных акторов в зависимости от меняющейся политической и идеологической ситуации в странах реципиентах.

Н.А. Цветкова подробно анализирует проблемы университетской политики в контексте «культурной дипломатии» на протяжении четырех десятилетий второй половины XX в., т.е. в самые сложные периоды холодной войны.

Акцент в книге делается не на анализе университетского взаимодействия между СССР и США в целом (это отдельная тема), а именно на региональном измерении осуществления «культурной дипломатии» в целях достижения обеими супердержавами своего идеологического влияния и политического доминирования. Этот подход определяет научную новизну и актуальность проведенного автором исследования.

¹ *Tsvetkova N. Cold War in Universities. U.S. and Soviet Cultural Diplomacy. Leiden; Boston: Brill, 2021.*

² *Tsvetkova N. Failure of American and Soviet Cultural Imperialism in German Universities, 1945–1990. Leiden; Boston: Brill, 2013.*

Безусловно, «культурная дипломатия» — весьма эффективный инструмент влияния, проводимого с помощью «мягкой силы». При этом не исключено использование довольно жестких приемов и методов, что приводило к возникновению так называемых «культурных войн» (Cultural Wars) в отношениях между соперниками³. Как показывает Н.А. Цветкова на многочисленных примерах, обе соперничавшие стороны все же старались не переходить «красные линии» между «культурной дипломатией», академической лояльностью и межкультурным конфликтом. Но иногда эту грань сохранить не удавалось.

Историография и библиография холодной войны весьма внушительна⁴. Имеется солидный список и работ по «культурной дипломатии», в том числе и в сфере высшего образования. Монография Н.А. Цветковой подготовлена на солидном круге источников и специальной литературы, о чем убедительно свидетельствует научный аппарат книги.

Автор впервые вводит в научный оборот ценные архивные материалы, правительственные и парламентские документы, документы неправительственных организаций и фондов, материалы прессы и мемуары не только представителей академического сообщества СССР и США, но и их партнеров из стран, в которых академическая деятельность подверглась наибольшему влиянию идеологической и социокультурной конфронтации.

Разумеется, всю палитру вопросов, связанных с «культурной дипломатией» в период холодной войны невозможно охватить в рамках одной монографии. Н.А. Цветкова выбрала наиболее адекватный метод решения поставленных задач — проанализировать важнейшие особенности влияния «культурной дипломатии» в реалиях холодной войны на примерах отдельно взятых университетов из различных регионов мира. Такими кейсами стали известные университеты крупнейших городов Европы (Восточный и Западный Берлин, Кёльн), Ближнего Востока (Кабул), Северной Африки (Аддис-Абеба), Азиатско-Тихоокеанского региона (Ханой и Сайгон) и Латинской Америки (Гватемала Сити, Гавана).

Чтобы оценить важность проделанной Н.А. Цветковой работы по исследованию специфики академического и идеологического соперничества, уместно напомнить об общем состоянии образовательного ресурса соперничавших государств, который они стремились использовать для внедрения в странах — союзниках и партнерах — в виде различных проектов «культурной дипломатии».

³ Сондерс Ф.С. ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны. М., 2020.

⁴ Romero F. Cold War Historiography at the Cross Roads // Cold War History. 2014. Vol. 14. No. 4. P. 685–703.

Отметим, что ко времени начала холодной войны США и СССР сформировали мощные национальные системы высшего образования и обеспечили быстрое развитие фундаментальных и прикладных научных исследований в своих университетах и академических институтах, в том числе и в области внешней политики и международных отношений.

Так, в 1947 г. в 1800 университетах и колледжах США учились 2,3 млн студентов. В 1947–1956 гг. по Закону о реабилитации ветеранов (J.I. Bill), принятому администрацией Г. Трумэна, 2,2 млн бывших участников Второй мировой войны на льготных условиях получили высшее образование. В результате только в 1949/50 гг. было выдано около 500 тыс. дипломов университетов и колледжей⁵.

Окончание Второй мировой войны и начало холодной войны совпали с этапом качественных и количественных изменений в американском высшем образовании, которые проходили в тесном взаимодействии с государством и частными благотворительными фондами под влиянием атмосферы обострения идеологического и политического конфликта в мире.

Основными стратегическими трендами научной и образовательной деятельности в университетах США в 1940–1950-е гг. стали:

- военно-технические проекты и фундаментальные исследования («Манхэттенский проект», создание научных лабораторий оборонного значения в Массачусетском технологическом институте (МТИ), Стэнфорде, Принстоне и др.);

- создание программ региональных исследований (Area Studies) и программ изучения международных отношений;

- создание программ международных академических обменов (программа У. Фулбрайта (1946).

Главными направлениями программ региональных исследований (Area Studies) стали:

- Азия – Китай, Япония, Корея, Индия;

- Европа – Турция, Греция, Германия, Бенилюкс, Франция, Испания, Италия;

- СССР и страны Восточной Европы, Балканы. В 1950 гг. к этому списку добавились страны Южной и Центральной Америки.

Закономерным итогом стало институциональное оформление и нового научного направления – советологии, и создание советологических центров (Русский институт в Гарварде, Центр в Колумбийском университете)⁶.

⁵ Кубышкин А.И., Ладонина Е.Ю. Формируя интеллект нации. Волгоград, 2005. С. 110–111.

⁶ Engerman D. Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts. New York, 2009. P. 3–4.

Один из основателей советологии, считавшийся крупнейшим специалистом по истории СССР в период холодной войны Макджордж Банди (1919–1996) как курьезный факт отмечал то обстоятельство, что первым из региональных центров исследований стало Управление стратегически служб США (УСС), предшественник ЦРУ. По его словам, различные государственные органы и спецслужбы тесно взаимодействовали с университетами как внутри страны, так и за пределами США в целях получения разнообразной информации⁷.

В начале 1950-х гг. академическая система в США была включена в своеобразный институциональный «треугольник», который помимо университетов образовали военное и разведывательное сообщества и многочисленные благотворительные фонды. Последние обеспечивали финансовую поддержку академических программ, в том числе и в странах-партнерах. Персонально этот «треугольник» был представлен известным дипломатом Дж.Ф. Кеннаном, генералом Д.П. Дэвисом и основателем УСС и ЦРУ У. Донованом.

Первым центром Area Studies стала Ассоциация азиатских исследований, созданная еще во время Второй мировой войны в 1943 г. и реорганизованная в 1956 г. В десятках американских университетов были созданы департаменты азиатских исследований, наряду со специальными отделениями восточноазиатских языков и культуры). В 1946 г. Русский отдел УСС был переведен в Гарвард и переименован в Русский институт.

Напомним, что в этот период в самих США своего пика достигла антикоммунистическая кампания, выразившаяся в таком явлении, как маккартизм. В американских кампусах воцарилась открытая политическая и академическая цензура, происходили увольнения леволиберальной профессуры, насаждалась система нетерпимости к нелояльности и поощрялось доноительство и обскурантизм, а также антиинтеллектуализм⁸.

При этом Госдепартамент США через структуру институтов «культурной дипломатии» и образования старался привлечь к сотрудничеству в целях создания привлекательного имиджа США и ученых, которые придерживались в целом либеральных взглядов, но в условиях холодной войны выступали против коммунизма и идей социализма. Так, в состав руководства УСС в одно время входили: антрополог Кора Дюбуа, экономисты Пол Баран, Василий Леонтьев,

⁷ Engerman D. Op. cit. P. 23.

⁸ The Cold War and the University: Toward an Intellectual History of the Postwar Years / Ed. by A. Shiffrin. New York, 1997; Jacoby R. The Last Intellectuals: American Culture in the Age of Academe. New York, 1982.

Чарльз Киндлбергер, Пол Суизи, социологи Баррингтон Мур, Франц Ньюман, философ Герберт Маркузе.

Таким образом, университетское (академическое) сообщество США принимало самое непосредственное и широкое участие в процессе подготовки практических решений в области внешней политики. Это относилось и к регионам, имевшим стратегическое значение для США, в которых внедрение во внутреннюю образовательную и академическую деятельность неизбежно вступало в противоборство с научными и образовательными практиками СССР, но и с национальными образовательными моделями.

Система высшего образования и организации науки в Советском Союзе кардинально отличалась от американской. Прежде всего, упор в подготовке специалистов в СССР делался не на университеты, как в США, а на отраслевые узкопрофильные институты. Наука в СССР также сосредотачивалась в отраслевых и академических институтах, в то время как в Соединенных Штатах она концентрировалась в исследовательских университетах. Накануне Второй мировой войны в СССР насчитывалось только 29 университетов с 79 тыс. студентов, в 1955 г. – в 33 университетах обучалось уже 185 тыс. студентов и 5 тыс. аспирантов – всего 10% от общей численности студентов в стране⁹. В 1970-е гг. число классических университетов в СССР увеличилось до 74, а в 1980-е гг. началось массовое переименование в университеты педагогических институтов и узкопрофильных вузов.

На 1975 г. в СССР действовали 856 вузов (в том числе 65 университетов), в которых обучались более 4,9 млн студентов. По численности студентов на 10 тыс. человек населения Советский Союз значительно превосходил такие страны, как Великобритания, Федеративная Республика Германия, Франция, Япония¹⁰. В 1946 г. в МГУ появились первые студенты из Восточной Европы. В 1950-х гг. студенты из социалистических и развивающихся государств появились и в других советских университетах (ЛГУ, Саратовский, Минский, Киевский университеты). В 1960 г. в Москве открылся Университет дружбы народов имени П. Лумумбы, в котором обучались тысячи студентов из стран Азии, Африки и Латинской Америки. В 1973 г. в СССР начала действовать программа научного обмена У. Фулбрайта – одна из наиболее престижных в академическом сообществе.

В 1950–1960-е гг., как правомерно отмечает Н.А. Цветкова, процесс реформирования университетов во всем мире в связи с научно-технической революцией (НТР) был непосредственно связан с обострением борьбы за идеологическое влияние в сфере науки и образования с на-

⁹ Аврус А.И. История российских университетов. М., 2001. С. 139.

¹⁰ Там же. С. 140–141.

растающей конкуренцией в мировом образовательном пространстве. Сильной конкурентной стороной советского высшего образования была фундаментальная подготовка технических и инженерных кадров. Американские же университеты большое значение уделяли как классическим гуманитарным дисциплинам, так и социальным и политическим теориям и практикам.

Таким образом, как следует из содержания монографии Н.А. Цветковой, в академических траекториях американская и советская образовательные модели формально и институционально не пересекались и функционировали параллельно. Но в идеологическом и имиджевом поле они вступали в прямое соперничество различных форм «культурной дипломатии», что нередко приводило к явным и латентным конфликтам.

Главной задачей «культурной дипломатии» в период холодной войны наряду с усилением идеологического влияния была и остается неизменной и поныне подготовка лояльной политической, образовательной, интеллектуальной, технологической и бизнес-элит, способных сотрудничать с Советским Союзом или с США на предложенных ими правилах и идеологических принципах. Н.А. Цветкова определяет эти комплексы задач «культурной дипломатии» в отношении университетов как «советизацию», с одной стороны, и «американизацию» — с другой.

По мнению автора, «советизация» означала внедрение в образование социалистических принципов и практик в сочетании с идеологией марксизма-ленинизма. США же предлагали широкое развитие принципов демократии в противовес советскому авторитаризму и в опоре на американские ценности. Успешный или неуспешный результат этих проектов напрямую зависел не только от социально-экономической и политической обстановки в той или иной стране, но и от того насколько были сильны и устойчивы национальные традиции в области высшего образования и образования в целом.

Так, в послевоенной Германии перед США и СССР на первых порах стояла общая задача — денацификация немецких университетов. Этот процесс тщательно рассматривается Н.А. Цветковой в главе 1. Несмотря на идеологический саботаж со стороны многих преподавателей и студентов в Восточной и в Западной Германии, процесс дефашизации проходил довольно успешно. На наш взгляд, это в значительной мере объяснялось и глубоким кризисом университетской системы и академического сообщества в Веймарской Республике, о котором писал в своей известной книге американский историк Ф. Рингер¹¹.

¹¹ Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. М., 2008.

Но по мере того, как идеологическая пропасть между двумя германскими государствами углублялась, менялись и задачи «культурной дипломатии» СССР и США в области высшего образования. Обе страны стремились сделать из ГДР и ФРГ витрины не только своего экономического и политического доминирования, но и образчики эффективного образовательного и культурного проекта.

Ирония судьбы заключалась в том, что несмотря на частные, чисто внешние и формальные достижения (внедрение новых учебных программ и стандартов, расширение преподавания русского и английского языков, организацию новых форм социализации преподавателей и студентов и т.д.), о которых пишет Н.А. Цветкова, — в целом академические проекты завершились неудачей, особенно в плане изменений в университетской культуре. Объяснение этому можно найти в устойчивости модели немецкого классического университета и в многовековой университетской традиции академической автономии и академической свободы.

Именно стремление консервативной немецкой академической элиты возродить классический немецкий университет было главным препятствием на пути как «советизации», так и «американизации». Хотя определенные успехи, особенно в переподготовке преподавателей, внедрении новых учебных программ и определенных идеологических установок были достигнуты. Однако по мере ослабления международной напряженности и начавшейся разрядки в отношениях между СССР и США идеологическое давление в университетах Германии ослабевало и возникали компромиссные практики. Тихий саботаж — основной инструмент противодействия как догматическим схемам марксизма-ленинизма, так и откровенно гегемонистским практикам американской модели.

Некоторые формальные изменения в университетской жизни на завершающей стадии холодной войны можно объяснить, скорее, процессами глобализации в сфере высшего образования, нежели эффективностью советской или американской образовательной модели. Об этом свидетельствует и создание европейской Болонской системы, которая в определенной степени вступила в конкуренцию с американской образовательной системой, хотя и опиралась на англосаксонскую модель либерального образования (*Liberal Arts*).

Что касается Африки и Ближнего Востока, то там советская модель обладала некоторыми преимуществами. Так, идеи марксизма в «культурной дипломатии» тесно увязывались с антиколониализмом и антиимпериализмом. Как показывает Н.А. Цветкова, в Афганистане СССР делал ставку на средние профессиональные училища и школы. Особенно удачен был проект реформы Кабульского политехнического института, который послужил образцом для создания подобных учебных

заведений в некоторых африканских странах, например, в Конакри (Гвинея). Сильное влияние Кабульского политехнического института на формирование национальной технической интеллигенции в стране признавали и американские специалисты. Попытки же США обеспечить структуризацию афганской политической и управленческой элиты посредством внедрения американских методик в Кабульском университете завершились полной неудачей. Этот факт подтверждается как Афганской революцией 1978 г., так и начавшейся вскоре гражданской войной в этой стране, обращенной вначале против СССР, а затем и против США. Главными проблемами для «культурной дипломатии» обеих стран были политическая раздробленность Афганистана, сильнейшее влияние радикального ислама, этнические проблемы и неприятие западных стандартов в культуре и в повседневной жизни.

Аналогичная попытка перескочить определенную фазу социально-экономического развития с помощью адаптированной «культурной дипломатии» к местным условиям в конечном счете закончилась неудачей для СССР и США в Эфиопии, что автор монографии убедительно показывает на примере университета в Аддис-Абебе.

Соглашаясь в целом с выводами авторов, отметим, что в 1960-е гг. советская «культурная дипломатия» добилась в странах Африки существенных успехов. Об этом свидетельствуют хорошо известные цифры. Более 500 тыс. африканцев получили образование в вузах своих стран при непосредственной помощи советских преподавателей, 80 тыс. африканских студентов обучались в университетах и институтах в СССР.

Культурное влияние колониализма, особенности развития национального самосознания, стремление защитить национальные духовные и культурные ценности и традиции серьезно влияли на методы и инструменты использования «культурной дипломатии» в странах Азии, о чем убедительно пишет Н.А. Цветкова в соответствующих главах своей монографии. Так, она отмечает резкое обострение идеологической борьбы, которая открыто велась, например, в университетских аудиториях Ханоя и Сайгона в годы борьбы народа Вьетнама за свое национальное освобождение. Война во Вьетнаме была одним из ключевых конфликтов времен холодной войны, и военное поражение США означало в какой-то мере и поражение интеллектуальное.

Своеобразный характер культурная дипломатия носила и в университетах Латинской Америки. Н.А. Цветкова анализирует методы американской и советской «мягкой силы» на примере Гватемалы и Кубы. Старейший университет в Центральной Америке – Университет «Сан Карлос» (Гватемала) с момента своего основания в XVII в. являлся интеллектуальным центром субрегиона. Студенты этого университета принимали активное участие в революции 1944–1954 гг., и они же,

в немалой степени под влиянием активной американской антикоммунистической и антисоветской пропаганды, сыграли очевидную роль в свержении демократического правительства Х. Арбенса¹². Однако в последующие годы «Сан Карлос» стал оплотом сопротивления политике военных диктаторских режимов и отличался сильными «левыми» и антиамериканскими настроениями. Понимая это, американские культуртрегеры сделали ставку на частный Университет имени Х. Сесилио Валье (популярный гватемальский политик XVIII – первой трети XIX в., президент Центрально-американской Федерации). Цель была очевидной – рекрутировать из студенческой среды лояльных политических активистов как фундамент будущей правящей элиты Гватемалы. Этот процесс идеологической конфронтации среди гватемальского студенчества продолжается и в настоящее время. В пользу «Сан Карлоса» не только его многовековая история (частные университеты в стране возникли в 1960–1970-е гг.), но и академическая репутация, опирающаяся на национальную традицию.

Схожая ситуация наблюдалась и в Гаванском университете, который в разгар холодной войны испытывал сильнейшее давление со стороны неокOLONиальных институтов, в первую очередь американских, весьма настойчиво формировавших имидж своей страны в собственных стратегических целях. Тем не менее историческая реальность круто изменила характер деятельности университета в ходе Кубинской революции. Немаловажную роль здесь сыграли марксистские идеи, сопрягавшиеся с революционно-демократическими взглядами идеологов кубинского национально-освободительного движения от Х. Марти до Ф. Кастро.

Таким образом, приходит к выводу Н.А. Цветкова, основной преградой на пути продвижения «культурной дипломатии» СССР и США в университетах мира являлось в целом амбивалентное восприятие как социалистической модели образования, так и американской системы ценностей. При наличии некоторых формальных успехов обоим главным соперникам не удалось монополизировать направления деятельности университетов в рамках предлагаемых и навязываемых парадигм. Реакцией стран Восточной и Западной Европы в «советизацию» и «американизацию» был тихий саботаж и обращение к опыту и традициям национальных моделей образования, основанных на принципах суверенитета и национальной идентичности.

Разумеется, «культурная дипломатия» в университетах имела и значительные положительные стороны, прежде всего в модернизации учебного процесса, расширения международного сотрудничества, раз-

¹² *Avila A.S.* Historia de la Universidad de San Carlos de Guatemala: época republicana (1821–1994): 3 tomos. Guatemala (Guatemala), 1997.

витии программ студенческих обменов, усилении мотивации к сближению национальных образовательных моделей в рамках формирования глобального университетского пространства. В какой-то степени, как отмечал известный американский ученый Н. Хомски, «культурная дипломатия» позволяла избежать перерастания идеологических споров в университетских аудиториях к более жестким формам политической конфронтации¹³.

В то же время опыт «культурной дипломатии» в годы холодной войны убедительно свидетельствует, что университеты являются не только чисто интеллектуальным ресурсом государства, но и влиятельным инструментом защиты национального суверенитета и исторических традиций. Именно эти особенности в конечном счете и приблизили завершение холодной войны.

Написанная на высоком научно-теоретическом уровне, монография Н.А. Цветковой, несомненно, вызовет большой интерес у всех, интересующихся историей высшего образования на определенном историческом отрезке. Хотелось бы пожелать автору продолжения изучения этой, далеко не исчерпанной темы. Было бы интересно, например, представить в книге кейс Китая, который в 1950-е гг. испытал на себе в полной мере ожесточенное соперничество США и СССР за сохранение и усиление своего идеологического и политического влияния в национальной системе образования и науки. Эта тема еще ждет своего объективного исследования.

¹³ The Cold War and the University... P. 171–172.